

МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ВЫШИВКЕ НА ТРАДИЦИОННЫХ ТВЕРСКИХ ПОЛОТЕНЦАХ

С. А. Ситникова

Данная статья выполнена в русле тех усилий фольклористов и этнографов, которые направлены на выявление и изучение локальных образцов вышитых полотенец, с точки зрения информации, содержащейся в изобразительном полотняном тексте, то есть в тексте орнамента на полотенце. В работе рассмотрены и семантически интерпретированы орнаментальные сюжеты вышивки на тверском традиционном полотенце. Аналитический поиск осуществлён преимущественно на экспедиционном фольклорно-этнографическом материале из фондов ГАСК, который включает образцы народного шитья и фольклорно-этнографические сведения Зубцовского, Андреапольского, Калининского, Торопецкого, Торжокского, Кувшиновского и некоторых других районов Тверской области. Кроме того, в круг исследования вовлечены опубликованные и неопубликованные фольклорно-этнографические материалы музеев, имеющих образцы тверской вышивки.

Прежде чем приступить к рассмотрению тверских полотняных орнаментов, необходимо заметить, что по нашим наблюдениям в мировоззрении современного человека, не только деревенского, но и городского, к традиционному полотенцу, которое досталось от бабушки, мамы или было лично вышито в далёкой молодости, сохранилось особое, трепетное отношение. Его берегут, используют только в особо значимых, торжественных случаях, стараются передать на память по наследству самым близким людям или в храм. Кроме того, в сознании людей до сих пор сохранились отголоски представлений об обрядовой и даже сакральной функции полотенца как такового, вне зависимости от истории или способа его изготовления. Как обязательный обрядовый атрибут в XXI в. фабричное полотенце, хотя и со специальной символикой, используется на свадьбе; в торжественных случаях, связанных со встречей дорогих гостей «хлебом-солью»; полотенце до сих пор дарят при расставании перед дальней дорогой; в так называемые «родительские» дни на разостланном полотенце раскладывают поминальную еду; на полотенцах ещё кое-где опускают гроб с умершим человеком в могилу, отправляя его в последний путь.

Что же касается орнаментального оформления, то народные тверские вышитые полотенца, с одной стороны, характеризуются обильным разнообразием вариантов, с другой стороны, многие из них откровенно выражают архаичные мифологические, сакральные смыслы, которые были насущными и понятными для наших далёких предков и которые во многом скрыты теперь от нас.

По предварительным данным одним из самых распространённых мотивов в тверской вышивке является мифологический персонаж Великой Матери, Рождающего божества, который встречается в образе женщины, древа, лосихи, солнца, лягушки, а также прочитывается в разнообразных растительных и геометрических орнаментах. Часто встречаются его совмещённые изображения: женщина-дерево,

женщина-солнце, женщина-лосиха, древо-лягушка, женщина-лягушка, лягушка-ромб и т.п.

Это соответствует традиционным представлениям славян, по которым Великое женское божество имеет целый ряд воплощений: оно может предстать в образе женщины, в образе дерева, в образе солнца, в образе коровы и др.

Тема воплощения и перевоплощения божественного или волшебного, могущественного, «знающего» женского персонажа бесконечно варьируется в произведениях славянского фольклора разных жанров:

– в устно-поэтическом творчестве (русские народные сказки «Крошечка-Хаврошечка», «Берёза и три сокола», «Девушка-курушка», «Белая уточка», «Сказка о лягушке и богатыре», «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что», «Царевна-лягушка» и др.);

– в песенном фольклоре («Пошла млада за водой», «Яблонька» и др.);

– в «полотняном фольклоре», т. е. в образцах ткачества и вышивки (в орнаменте полотенца, подзоров, половиков, тканого полотна);

– в традиционном народном костюме (рогатые головные уборы; головные уборы с птичьими названиями — «кокошник», «кичка» — и с птичьим оформлением — перья, пушки);

– в деревянной утвари, в домовой резьбе (наличники, фронтоны, «полотенца»).

В изображении антропоморфных женских персонажей на тверских вышивках обнаруживается несколько формул. Наблюдение, сделанное Б. А. Рыбаковым о двух основных группах богинь, изображаемых в русских вышивках, приложимо и к тверской традиции. Речь идёт о двух основных вариантах изображения женского божества.

К одной группе относятся вышивки, в которых богиня изображается одетой в положении стоя. Причём иногда это — реалистичная женская фигура, как, например, на торжокском свадебном полотенце, где женское божество помещено между конями, или на старицком свадебном полотенце, где женщина с лосиными рогами стоит между двух больших птиц. А иногда на месте изображения женщины расположен столпообразный идол. На полотенце из Старицкого района такой идол с солнечной головой сплошь усеян солярными знаками и помещён между солнечными павами. На полотенцах из Музея тверского быта в одном случае идол, украшенный ветками, установлен между конями, в другом — изображено два храма, в которых между двумя женщинами с руками, похожими на лягушачьи лапы, установлено по одному украшенному идолу; между храмами расположена женская фигура с головой, украшенной ветвями и распутившейся зеленью.

Все перечисленные сюжеты связаны с одетой богиней, стоящей в центре трёхчастной композиции. Исследователи считают, что эта трёхэлементная композиция возникла в Передней Азии около трёх с половиной тысяч лет назад и получила широкое распространение вместе с искусством земледелия в европейско-переднеазиатском регионе. Состоит она, по мнению исследователей, из центральной женской фигуры и двух мужских по обеим её сторонам¹.

Кроме того, одетый женский персонаж в тверской вышивке встречается в композициях, связанных с чередой нескольких, совершенно похожих друг на друга женских изображений. На полотенце из Кувшиновского района, например, изображён ряд из четырёх женских фигур. Каждая держит в двух поднятых вверх руках небольшие пучки растений или маленькие деревца. Фигуры разделены ветвями или деревцами повыше. На полотенце из Торжокского района женские фигуры разделены ромбами с вписанными в них солярными знаками. Маленькие деревца как бы вырастают из поднятых вверх рук. Некоторые исследователи трактуют такие сюжеты как торжественные сцены календарных праздников с хороводами и шествиями в священные рощи².

Ко второй группе относятся изображения женских персонажей, которые убедительно определены Б. А. Рыбаковым как рожаницы³. На таких вышивках изображено рождающее существо в распластанной позе с широко раскинутыми ногами. В тверской вышивке имеется бесчисленное множество образцов с этим архаичным сюжетом. Вышитые изображения рожаниц в тверской традиции представлены и зооморфными, и антропоморфными, и фитоморфными фигурами. Имеются образцы, в которых эти образы переплетены в разных сочетаниях.

В трёхчастной композиции на тверских вышивках есть несколько вариантов исполнения рожаницы. На полотенце из Вёсегонского района рожаница помещена в центр между двумя барсами и имеет вид дерева-лягушки. Рождающая и рождённое существо зеркально отражают друг друга (Рис. 1. Полотенце из Вёсегонского района). В таком виде рожаница встречается довольно редко.

В другом варианте трёхчастного орнамента (также Вёсегонский район) в центр помещено женское антропоморфное божество с рожками, а рожаницы расположены по бокам. Рожаницы являются полной копией друг друга, имеют замысловатую форму. В ней переплелись знак земли в виде ромба, схематизированное изображение распластанной лягушки, расположенное внутри схематизированной антропоморфной фигуры, на ногах которой читаются красные сапожки.

В третьем варианте трёхчастной композиции на полотенце из Зубцовского района в фигуре рожаницы тоже отчётливо видны сапожки, только чёрного цвета (Рис. 2. Полотенце из Зубцовского р-на). Композиция представляет собой шеренгу рожаниц, в которой одна фигура повторена трижды. Между рожаницами находятся построения, напоминающие столбообразные идолы с круглой головой. Сама фигура рожаницы имеет сложную трёхчастную вертикальную структуру и выглядит вселенским созданием. Верхняя часть представляет собой смесь солярных знаков и знаков земли. Она производит впечатление кроны дерева, которая покоится на массивном стволе дерева. Ствол в свою очередь как бы вырастает из фигуры лягушки, обращённой мордочкой вниз, к земле. В этом изображении рожаницы просматривается древняя мифологическая интерпретация модели мира: верхний, небесный ярус с солярными знаками, средний, земной ярус, обозначенный ромбом с крестом, и нижний, в котором основанием служит огромная лягушка. Несмотря на трёхчастность композиции, в ней нет доминирующего центра, но есть впечатление чередования, движения.

Среди полотняных изображений рожаниц, обнаруженных в тверских экспедиционных материалах последних лет, имеются многочисленные образцы с одной крупной фигурой в центре полотна. В её изображении необходимо отметить поразительное многообразие вариантов воплощения идеи плодородия через символический образ рожаницы.

На полотенце из Торжокского района (с. Новобернищево) рожаница воплощена через распластанную фигуру куста-древа, над которым как бы парит фигура птице-лягушки. Голова птице-лягушки увенчана короной, на теле изображён ромб с косым крестом. Небесность, верховность, божественность этого образа обозначается звёздами вокруг фигуры.

В с. Новобернищево Торжокского района обнаружено полотенце с огромной рожаницей, которая представляет собой древо-человекообразную фигуру с большим ромбом в центре. Эта фигура обрамлена ладьёй, украшенной двумя крупными лосиными рогатыми головами. Поражает глубокая архаичность сюжета этого полотенца, где сохранились отголоски древнейших мифологических представлений о двух небесных лосихах, а также о небесной рогатой рожанице, в которой переплелись образы небесной коровы и вселенской лягушки.

Крупная рогатая фигура рожаницы, предельно схематизированная и отдалённо напоминающая лягушку, изображена на полотенце из с. Дальняя Троица Торжокского района. О том, что перед нами безоговорочное изображение рожаницы, свидетельствует распластанная поза и маленькое подобие этой рожаницы внутри, во чреве фигуры. И большой, и маленькой лягушкам-рожаницам головой служат ромбы с точками, что подчёркивает рождающий, плодоносный смысл этих образов.

Великолепными образцами с одной центральной фигурой рожаницы являются полотенца из Торжокского района. При всём своеобразии их иконографии они объединены общностью архаических характеристик сакрального образа рожаницы: каждая из них изображена в позе рождения, у каждой «рождающей» обозначено уже родившееся её маленькое подобие, все они имеют растительные узоры, и почти у всех имеются рожки на голове. Кроме того, в каждой из этих стилизованных фигур переплетены черты древа, человека и лягушки. Специалисты утверждают, что женские существа и «женские» явления природы, творящие жизнь на земле, были предметом религиозного почитания, обожествлялись и отождествлялись с понятием середины («пуп земли»), которое считалось священным⁴. Поэтому можно предполагать, что центральность положения на полотенце этих вышитых изображений дополнительно свидетельствует об их божественном характере.

Как видно из вышеизложенного материала, тверская вышивка очень богата сюжетами, в которых элементы разных воплощений женского божества наличествуют в его изображении одновременно. Древние сакральные образы переплетаются, порой значительно видоизменяясь и образуя схематизированные орнаменты. Думается, что изображение женских сакральных персонажей в таком трансформированном виде, то есть в переплетении с символами дерева, земли, с зооморфными воплощениями богини и т.п., связано не только с забвением первоначального смысла, как это иногда утверждается. В традиционной народном мировоззрении образы жен-

щины, дерева, солнца, коровы, лягушки с мифопоэтической точки зрения являются эквивалентами. Следовательно, совмещение разных обличий божества может быть вызвано их семантической взаимозаменяемостью.

Экспедиционные материалы последних лет позволили выявить очень интересные сюжеты тверской вышивки из разных уголков Торжокского района, в которых образ лягушки как бы облегчен и обнаруживает объединение только с образом дерева. На нескольких полотенцах образ дерева-лягушки иконографически повторен почти дословно: дерево с тонким стволом; на его вершине — почти натуралистически выполненная голова с выпученными или с высоко сидящими глазами и широким лягушачьим ртом; два яруса красиво подчеркнутых, поднятых вверх лап-веток. На некоторых изображениях головы лягушек украшает маленькая корона. Сакральный характер вышеизложенного сюжета не вызывает сомнений. Как известно, ветка, по поверьям язычников, обладала целительной и чудодейственной силой. У славян существовал весенний ритуал хлестания вербными и берёзовыми ветками ради здоровья и плодородия. Считалось, что таким образом можно сообщить жизненную силу дерева тем, кто в ней особенно нуждается: дети, больные, молодёжь — девушки и парни, от которых зависело продолжение рода.

В древности в мифопоэтической практике ветка считалась частью священного дерева, и богиня изображалась с веткой в руке⁵. По наблюдениям исследователей, снежная баба — зимний идол женского божества — делается с метлой, защитники «снежного городка» в обрядовых масленичных играх отбивались мётлами. На метле летает и ведьма — мифологический отзвук языческой божественной пра-матери. Надо учесть, что вышитые, орнаментальные полотенца являлись важнейшим атрибутом древних сакральных культов, и на них не могли изображать ничего не значащие узоры. Вышесказанное позволяет предположить, что лягушки с пушистыми, расцветшими ветвями вместо лап, слившиеся со стволом дерева, символически обозначают идею плодородия и имеют прямое отношение к божествам, покровительствующим всеобщему рождению, произрастанию и плодovitости.

В с. Красное Торжокского района Тверской области зафиксировано полотенце, на котором лягушка-дерево с красивыми длинными ветвями является главной и единственной фигурой на конце полотенца. Центральное положение лягушки-дерева на вышивке добавляет аргументов к возможности предполагать в ней изображение верховного женского божества в отголосочном виде.

В языке народных вышивальщиц разных зон славянского мира исследователями зафиксирован термин «лягушка», которым в вышивке называли ромбообразную фигуру с продолженными за пределы ромба сторонами. Есть он в новгородской, смоленской, рязанской, архангельской вышивке. Зафиксирован этот термин и на Тверской земле у русских и их соседей — карелов, удмуртов, мордвы. Некоторые исследователи предполагают, что названия «ромб с крючками», «лягушка» или «жаба» являются общеславянскими⁶. Применяется термин «лягушка» в народной вышивке для обозначения ромба с отростками или «ромба с крючками», который признан исследователями древнейшим земледельческим символом плодородия, рождающего женского начала, матери-земли как божественной основы всего

сущего. В тверской вышивке нами зафиксированы замечательные образцы архаичной «лягушки» — «Матери-сырой Земли»: в Торопецком районе («ромб с крючками») и в Андреапольском районе (ромб с отростками).

Исследователи выяснили, что ромб с отростками или с крючками может означать землю, растение и женщину одновременно, что ромб с отростками представляет собой идеограмму плодоносящей земли-матери как центра мировой системы⁷. Таким образом, ромб с отростками, который в народной традиции носит название «лягушка», так же как и лягушка, являются олицетворением божества земли, божества плодородия.

Исследователи, занимающиеся изучением отражения древней языческой мифопоэтической символики в индоевропейских языках, отмечают множественность скрытых значений, которые таятся в словах, обозначающих основные понятия языческого культа, и связанные с ним символические образы.

В индоевропейской культуре название лягушки (как олицетворения Вселенной) на глубинном языковом уровне соотносится с обозначением времени, а также со словами, обозначающими число и музыку. И музыка, и число считались «организующим началом, всеобщим упорядочивающим Принципом Вселенной»⁸. Следовательно, изображение большой лягушки *в основании* древа-рожаницы на тверской вышивке (Рис. 2) не является случайным, а представляет собой отголосок очень древних мифологических представлений о божественной лягушке-творительнице, прародительнице, основательнице вселенной.

В заговорных текстах восточных славян указана ситуация «Лягушка снимает болезнь», в которой лягушка с точки зрения мифологического смысла находится в самом центре мира, у самого его основания: «На море остров, на острове камень, на нём лягушка. Она снимает болезнь»⁹. Этот сюжет является семантической параллелью и к мифам о творении вселенной, где главная роль в творении отведена лягушке, и к вышивке с изображением Великой богини. Очень выразительной иллюстрацией традиционных мифопоэтических представлений о роли лягушки в Творении и о положении её в мире является полотенец из с. Рождественно Калининского района. В этой композиции изображено мироздание. В верхней его части расположены две птицы, обозначающие небесную сферу. Изображение лягушки приближено к натуралистическому, особенно в некоторых внешних характеристиках животного, по которым оно становится легко узнаваемым. Особенно удивительно обозначено местоположение лягушки. Она находится в точке самого основания мира — сверху и по бокам фигуру лягушки окружают три знака земли, то есть лягушка находится под землёй или земля располагается на лягушке. Вся её фигура обращена головой вниз. Лягушка изображена в распластанной позе рождения, с уже появившимся на свет новым существом. Рождающая лягушка у основания мира — так можно кратко изложить мифологический смысл этого уникального полотняного сюжета.

Миротворительные способности мифологической лягушки отражены и в других видах фольклорной культуры, например, в сказках «Царевна-лягушка»,

«Сказка о лягушке и богатыре», «Пойди туда — не знаю куда, принеси то — не знаю что» и др.

Представляется уместным привести научные рассуждения о причинах высокого мифологического статуса лягушки, которая в реальной жизни не впечатляет своей значительностью в жизни людей: «Главное свойство земли, имевшее в глазах древнего человека первостепенное значение, — это плодородие. Неведомая чудесная сила, ежегодно производящая злаки и растения и дающая тем самым пропитание людям и зверям, не могла не вызвать в религиозном сознании почтительнейшего к себе отношения. Появление из мёртвой почвы живых ростков казалось загадкой, тайной, чем-то сверхъестественным. Параллельно с обожествлением плодоносящей почвы формировался и культ животных, считавшихся её воплощением и символом. Все качества земли в равной степени приписывались им. Так и получилось, что хтонические создания — лягушки, черепахи, змеи и им подобные — вопреки своей ничтожной роли в жизни человека — в мифологии приобрели значение совершенно особое, если не сказать выдающееся... Люди наделяли их волей, разумом, душой, чувствами, ставили выше себя, приписывали им особое могущество и сверхъестественные свойства»¹⁰.

Даже из беглого обзора того корпуса «полотняного фольклора», который кратко рассмотрен в данной работе, выясняется былая стойкая приверженность местных вышивальщиц к образу лягушки. В тверской вышивке он имеет несколько вариантов символического воплощения, которое отличается постоянством и характерными повторяющимися чертами.

О неслучайности распространения и стойкого бытования в тверской вышивке образа лягушки свидетельствует фольклорно-этнографическая информация о тверской святочной обрядности. Супруги Калошины из д. Парнево Торжокского района, например, сообщили, что ещё в 50-х годах в Святки ходили ряженые в бабку, деда, в медведя и в лягушку: «... т. Шура Бурова наряжалась: чулок на голову, заслонку, две палочки и как на барабане. Лицо в саже, заслонка в саже, прыгает как лягушка, всех вымажет...»

Другое свидетельство о святочном ряжении в лягушку получено нами из д. Подольцы того же района от Л. П. Филаретовой: «На Зимние святки ходили ряженые. За порог зайдут по 2–3–4 человека нарядившись, кто как мог. В лягушку сряжались. Лягушка ползёт. Зелёным платком повяжется. Прыгает до стола. Прыгает — надо дать ей лепёшки со свёклы: мать потолкёт свёклы, сделает ватрушки, вместо творога — свёклу. Дадут лепёшки — и лягушка уходит вон».

В этих сообщениях для нас важен факт ряжения в лягушку во время зимних святок. И в одном, и в другом случае лягушка названа в ряду других святочных персонажей, что означает её мифологическую принадлежность к сакральному миру умерших предков. Об этой же принадлежности говорит упоминание о печной заслонке и саже, в которой выпачкана «лягушка». Подтверждает эту характеристику ряженой «лягушки» и одаривание её лепёшкой, которое является обязательным эпизодом зимнего святочного общения людей с ряжеными как выходцами из мира предков.

В народном сознании ряжение на зимние святки считалось необходимым условием в заклинании будущего урожая, и ряженая «лягушка» в этом обрядово-заклинательном действе была активным действующим лицом.

Общеизвестно, что в основе обрядово-заклинательной практики плодородия лежит культ предков. В связи с символикой лягушки как умершего предка, как пра-матери, образ которой читается на полотенцах и в тексте зимней святочной обрядности, необходимо вспомнить тот факт, что у южных славян детям запрещалось называть лягушку жабой. Вместо этого предписывалось говорить на неё «баба», иначе у них преждевременно умрёт мать¹¹. Эти традиционные представления доказывают, что в народном мировоззрении мифологический образ лягушки напрямую связан с матерью, с умершим материнским предком, обожещаемым в традиционной культуре.

Изложенные фольклорно-этнографические экспедиционные материалы расширяют информационное поле об архаичном славянском божественном персонаже. Полотняные изображения женского божества и фольклорно-этнографические данные о нём, с одной стороны, подтверждают безусловную причастность традиционной культуры тверской земли к единому общиндоевропейскому истоку. С другой стороны, они дополнительно свидетельствуют о былом существовании богатой местной мировоззренческой традиции, связанной с представлениями о Великой богине, а также о наличии специфической, локальной своеобразности и поразительного разнообразия вариантов в её изображении. Всё это обогащает наши представления не только о женском дохристианском божестве, но и о древнейшем языческом мировоззрении славян в целом.

¹ Голан А. Миф и символ. Иерусалим – Москва, 1994. С. 159–160.

² Калмыкова Л. Э. Народное искусство Тверской земли. Тверь, 1995. С. 238–240.

³ Рыбаков Б. А. Язычество древних славян. М.: Наука, 1994. С. 475–486.

⁴ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. М.: Гуманитарный издательский центр ВЛАДОС, 1996. С. 146.

⁵ Голан А. Миф и символ. С. 157.

⁶ Амброз А. К. Раннеземледельческий культовый символ («ромб с крючками») // Советская археология. 1965. № 3. С. 15.

⁷ Там же. С. 20–21.

⁸ Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках. С. 24–25, 104.

⁹ Кляус В. Л. Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян. М., 1997. С. 40.

¹⁰ Евсюков В. В. Мифы о Вселенной. М., 1988. С. 104.

¹¹ Гура А. В. Лягушка // Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / Под общ. ред. Н. И. Толстого. М.: Международные отношения, 2004. Т. 3: К (Круг) – П (Перепёлка). С. 162.